

УДК 339.9

САНКЦИИ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВАШИНГТОНСКОГО И ПЕКИНСКОГО КОНСЕНСУСА

Ольга Николаевна Бабурина,
доктор экономических наук,
заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
(Новороссийский филиал), Новороссийск,
Российская Федерация
olgababurina@mail.ru

Предмет/тема. Выбор путей и способов вхождения России в глобальную миросистему продолжает оставаться актуальной проблемой. Навязанная международными институтами в начале 1990-х гг. политика сверхбыстрого открытия национального рынка и либерализации внешней торговли, получившая название Вашингтонский консенсус, нанесла России непоправимый урон. Новые вызовы современности требуют анализа и перманентной корректировки внешнеэкономической стратегии развития России.

Цели/задачи. Целью работы является внесение новых ориентиров в стратегию развития России на основе использования опыта развития КНР в условиях международных санкций 1989–1993 гг., а также анализ динамики и структуры внешней торговли России до и после введения санкций.

Методология. Исследование основано на диалектическом, историческом и системном подходе, статистическом анализе, синтезе и сравнении, индукции и дедукции.

Результаты. Изучение опыта реализации антикризисных мер Китаем в условиях санкций 1989–1993 гг. показало, что политика КНР, названная термином «Пекинский консенсус», способствовала успешному развитию экономики за счет взвешенных внутренних реформ и диверсификации внешних связей. Анализ динамики и структуры внешней торговли России с 2010 по 2014 г. показал наличие незначительных

отклонений внешнеторговых показателей до и после введения санкций при сохранении прежних пропорций в экспорте сырья и импорте готовой продукции.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть учтены федеральными ведомствами при актуализации стратегии развития России.

Выводы/значимость. В качестве контрмер по введению антироссийских санкций предлагается заменить импортированную политику Вашингтонского консенсуса на собственную модель развития – Московский консенсус как политику укрепления национальной безопасности и прогрессивной интеграции России в глобальную экономическую систему.

Ключевые слова: санкции, внешняя торговля, внешнеэкономическая стратегия, Россия, Китай, США

С момента подписания договора о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе РФ двух новых субъектов: Республики Крым и города федерального значения Севастополя прошел уже год¹. Несмотря на то, что

¹ О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов: Федеральный закон от 21.03.2014 № 36-ФЗ.

присоединение Автономной Республики Крым произошло на основе официальных результатов референдума его граждан (за вхождение в состав Российской Федерации проголосовало 97% избирателей), Запад прокомментировал этот факт как аннексию Россией части Крымского полуострова.

Уже через 3 дня после признания Россией результатов крымского референдума США, страны Европейского Союза и Канада ввели первый пакет политических санкций, связанный с запретом на въезд в эти страны определенной группе российских граждан. Вслед за политическими санкциями последовали экономические, в основном они касались запрета на ввоз России технологий военного назначения и оборудования для добычи энергоресурсов в сложных природно-климатических условиях, предоставления займов и инвестиционных услуг крупнейшим российским банкам.

Под жестким влиянием США санкции стали вводить не только страны «Большой семерки», но и бывшие социалистические страны дальнего зарубежья – Болгария, Венгрия, Польша. К ним присоединились страны ближнего зарубежья – Латвия, Литва, Молдавия, Украина, для которых Россия традиционно является ведущим внешнеторговым партнером. Анализ содержания санкций показывает, что их целью является дискредитация российского президента, смена политического курса, активизация протестного движения и ряд других факторов, разрушающих российскую экономику. Однако за явным скрывалось и тайное: санкции бумерангом бьют по тем странам, которые их применяют, причем потери (и политические, и экономические) значительны. Следует отметить, что Россия является не первой страной, против которой США применяют санкции без их утверждения ООН [12].

Международные санкции – явление амбивалентное. С одной стороны, они ограничивают доступ к уже имеющимся в мировом сообществе достижениям и ресурсам, с другой стороны, дают шанс на использование национального потенциала для развития страны. Так, например, произошло в Китае. В 1989 г. в связи с силовым прекращением демонстраций китайских студентов, продолжавшихся около двух месяцев, Соединенные Штаты Америки и их союзники приняли систему мер по некоторому свертыванию двухстороннего сотрудничества с КНР. Меры касались как прекращения торговли военной техникой, так и отказа от проектов торгово-экономического сотрудничества и выделения кредитов китайским банкам. Объем иностранных кредитов в КНР в 1989

г. сократился значительно – на 40% [11, с. 107]. Под влиянием США на встрече стран G7 в Париже в июле 1989 г. было объявлено, что государства «семерки» прекращают торговлю с Китаем, замораживают все инвестиционные проекты, а МВФ и Всемирный банк прекращают дальнейшее кредитование.

В ответ на действия промышленно развитых стран китайское руководство разработало систему дипломатических, политических и экономических контрмер, направленных на предотвращение развития событий в нежелательном для Китая направлении [11, 14]. В Пекине актуализировали внешнеполитическую и внешнеэкономическую политику, направив ее на преодоление последствий санкций со стороны развитых стран. Если до введения санкций центром международного сотрудничества Китая являлись США, то после их введения приоритетом стало восстановление китайско-российских отношений.

Еще одним важным направлением стало развитие сотрудничества КНР со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, причем в 1991 г. страна была принята в АТЭС. Активизировалось сотрудничество по линии Китай – АСЕАН. Одновременно китайское руководство проводило дипломатическую работу с развитыми странами, доказывающую неэффективность для них антикитайских санкций.

Меньше чем через год механизм антикитайских санкций начал разрушаться. В 1990 г. большая часть санкций со стороны европейских стран уже была отменена, в 1991 г. Япония стала на путь нормализации отношений. В 1993 г. США отказались от стратегии тотальной изоляции Китая и взяли курс на восстановление торгово-экономических связей.

Результаты международных санкций для Китая оказались впечатляющими. Китайское общество ощутило на себе грубое давление индустриально развитых государств, что привело к росту антизападных настроений и объединения нации. КНР стала придавать приоритетное значение проблемам укрепления национальной безопасности и обороноспособности. Государство продолжало придерживаться курса радикальных преобразований, которые затронули, в первую очередь, внешнюю торговлю. Импортные таможенные пошлины были снижены, меры по стимулированию экспорта расширены. Рост экспорта стимулировал последовательную девальвацию юаня. Реформы в банковской системе, снижение уровня вмешательства государственных органов в распределение кредитных ресурсов, переход к классической двухуровневой банковской

системе, изменения в бюджетно-налоговой сфере, установление единой ставки налога на прибыль и одинакового подоходного налога для резидентов и нерезидентов, а также ряд других мер вызвали бурный рост китайской экономики. Уже в 1992 г. рост достиг 14% и длительное время не опускался ниже 10%. В итоге комплекс мер, принятый китайским руководством, привел к тому, что уже Запад стал зависеть от Китая, а не Китай от Запада.

Обратим внимание на то, что США объявили санкции КНР в 1989 г., в это же время отношения между Соединенными Штатами Америки и СССР перешли от состояния «холодной войны» к взаимному сотрудничеству. Россия, вступив в 1992 г. в МВФ и Всемирный банк (учрежденных по решению Бреттон-Вудской конференции 1944 г. в интересах США) и получив первый кредит в объеме около 1 млрд долл., в ответ стала проводить политику, навязанную этими ведущими международными финансовыми организациями, получившую название «Вашингтонский консенсус». Понятие «Вашингтонский консенсус» в настоящее время стало именем нарицательным [1]. В начале же 1990-х гг. с этим названием связывались большие надежды на положительные перемены в странах с переходной экономикой.

Известный экономист Дж. Уильямсон в 1989 г. обобщил этим термином программы структурных преобразований, рекомендуемых МВФ и Всемирным банком, суть которых сводилась к 3 главным требованиям:

- 1) макроэкономическая стабилизация;
- 2) микроэкономическая либерализация;
- 3) открытие внутреннего рынка.

Всего же Дж. Уильямсоном было выделено 10 принципов доктрины Вашингтонского консенсуса:

- 1) бюджетная дисциплина (сокращение бюджетного дефицита);
- 2) изменение приоритетов госрасходов (отказ от практики госсубсидирования);
- 3) налоговая реформа (расширение налоговой базы);
- 4) либерализация процентных ставок;
- 5) конкурентоспособный обменный курс;
- 6) либерализация внешней торговли;
- 7) либерализация прямых иностранных инвестиций;
- 8) приватизация государственных предприятий;
- 9) дерегулирование экономики;
- 10) защита прав собственности [20].

МВФ и Всемирный банк выдают кредиты государствам только при условии выполнения всех указанных принципов Вашингтонского консенсуса.

В результате выполнения принципов, навязанных известными международными институтами, многие развивающиеся страны неизбежно столкнулись с тяжелыми кризисами и дефолтами, не минула эта печальная участь и Россию. В это же время Китай использовал альтернативную модель развития, которую известный экономист Дж. Рамо определил как «Пекинский консенсус». Его принципиальное отличие от Вашингтонского консенсуса – ведущая роль государства в экономике, выход национального бизнеса на глобальный рынок, постоянное внимание к науке и образованию, развитие стремления к социальному равенству, национальному самоопределению и возрождению [3, с. 73].

Китай, оказавшись в условиях санкций со стороны США, сумел выработать свою собственную политику, которая обеспечила колоссальный рост национальной экономики. Надо отметить, что Китай не стал на путь автаркии, напротив, стал активным участником глобального рынка, выступая сначала в роли его «мастерской», а затем уже и «фабрики», сохраняя при этом национальную специфику и суверенность. Доказательством глубокой интеграции КНР в мировую экономику является его вступление в ВТО в 2001 г.

Девиз китайского руководства – сильное и богатое государство, национальное возрождение и народное счастье. Повышенное внимание к конфуцианским традициям и сохранение верности идеологическому лозунгу – «социализм с китайской спецификой» – дают основание определить китайскую модель развития как «конфуцианский рыночный социализм» [13]. По мнению Л.И. Кондрашовой, «сложившееся к началу нового тысячелетия китайское смешанное общество можно рассматривать как разновидность рыночного социализма при настрое на сочетание плана и рынка, различных форм собственности, сохранение контролирующей роли государства...» [13, с. 11–12]. В отличие от Китая Россия под давлением МВФ и Всемирного банка совершила резкий скачок к рыночным реформам и минимизировала роль государства, что привело к глубокому спаду производства, дифференциации и падению доходов большинства россиян (фактически 70–75% процентов населения нищие, зато 1,5% населения РФ владеют 50% национальных богатств). В результате Россия как была, так и осталась сырьевой «кладовой» Запада [2].

В условиях усиления угроз национальной безопасности в России проявляется смена курса от политики либерализма, навязанной международными экономическими институтами, расположенными и созданными, в первую очередь, в интересах США, к политике национального возрождения и самоопределения [18]. Уже 6 августа 2014 г., через несколько месяцев после введения санкций против России, подписывается Указ Президента РФ о применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации². В указе отмечается, что в течение одного года со дня его подписания запрещаются либо ограничиваются внешнеэкономические операции, связанные с ввозом на территорию РФ отдельных видов сельхозпродукции, сырья и продовольствия, местом происхождения которых является государство, которое ввело экономические санкции в отношении России. В указе предусматривается изменение срока действия запрета на ввоз сельхозпродукции из этих государств.

В отношении влияния антироссийских санкций на национальную экономику выделяются как пессимистические, так и оптимистические настроения. Так, антироссийские санкции определяются как меры деструктивные и контрпродуктивные, причем профессор НИУ ВШЭ А.Н. Портанский в числе главных проблем отмечает недостаток возможностей кредитования российских банков и предприятий [15]. Существует мнение, что проблемы российской банковской системы появились еще до введения международных санкций и падения цен на нефть. Дефицит банковских средств сформировался за счет сокращения притока частных вкладов и иностранных поступлений [19]. Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова В.В. Симонов политику антироссийских санкций рассматривает с позиций системного кризиса мировой экономики и считает, что она является обострением конкурентной борьбы после глобального кризиса 2008 г. [16]. Однако санкции дают определенный шанс на положительные перемены в структуре российской экономики, нужна только политическая воля на их реализацию [5, 9]. Оптимистические прогнозы связываются с развитием пищевой и сельскохозяйственной отраслей вследствие проведения активной политики импортозамещения [4, 17]. Не вызывает сомнений утверждение, что инновационный сценарий является единственным, позволяющим в полной мере достичь целей, стоящих перед экономикой нашей страны [7].

² О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560.

Как положительные, так и отрицательные последствия имеют краткосрочный и долгосрочный характер влияния на национальную экономику. В связи с тем, что прошло менее года после введения санкций, можно измерить только краткосрочные изменения. В силу функционирования четкой системы контроля за перемещением товаров через государственные границы наиболее точно они отражаются в динамике товарной структуры внешней торговли России.

Прежде чем начать анализ, отметим, что информация по данным внешней торговли формируется по двум основным методологиям: 1) методологии платежного баланса, разработанной Центральным банком РФ; 2) методологии Федеральной таможенной службы (ФТС России).

По методологии платежного баланса информация по внешней торговле России включает 3 источника:

- 1) данные статистики ФТС России, полученные на основе грузовых таможенных деклараций, заполняемых участниками внешнеторговой деятельности (с учетом данных о внешней торговле с Республикой Беларусь);
- 2) данные об объемах экспорта (импорта) товаров, не пересекающих таможенную границу Российской Федерации (рыбы и морепродуктов, добытых и отгруженных в нейтральных водах, топлива и товаров, приобретенных российскими транспортными средствами в иностранных портах), полученные на основе форм федерального статистического наблюдения Росстата;
- 3) досчеты Банка России к данным статистики внешней торговли. Они производятся в соответствии с методологическими положениями платежного баланса и включают оценку стоимости товаров, ввезенных (вывезенных) физическими лицами в пределах установленной бесповшинной квоты и в упрощенном (льготном) порядке, а также другие элементы досчетов.

В соответствии со второй методикой – единой методологии ведения таможенной статистики внешней торговли и статистики взаимной торговли государств – членов Таможенного союза, утвержденной решением Комиссии Таможенного союза от 28.01.2011 № 525, исходными данными при формировании таможенной статистики внешней торговли являются сведения, содержащиеся в декларациях на товары и других документах, предоставляемых таможенным органам.

Расхождения в этих методиках приводят к различным показателям внешней торговли. Так, на-

пример, в 2014 г., согласно методологии платежного баланса, экспорт России составил 493,6 млрд долл., импорт – 308,0 млрд долл., внешнеторговый оборот соответственно 801,6 млрд долл. По данным статистики ФТС России, внешнеторговый оборот России за 2014 г. составил 782,9 млрд долл., экспорт – 496,9 млрд долл., импорт – 286,0 млрд долл.

Как следует из анализа данных табл. 1, между методиками существуют существенные расхождения. Так, по показателю сальдо внешней торговли они составили 24,4 млрд долл., по внешнеторговому обороту – 18,7 млрд долл., по импорту – 22,0 млрд долл., по экспорту – 3,3 млрд долл. Иными словами, разброс показателей колеблется от 0,7% по экспорту до 7–8% по импорту. Как уже отмечалось, это связано с тем, что ФТС России ведет статистику только на основе сведений, содержащихся в декларациях, а Банк России в дополнение к этим данным использует информацию об объемах экспорта (импорта) товаров, не пересекающих таможенную границу, и дорасчетные данные.

Анализ показателей внешней торговли России проведем с использованием данных ФТС России (с учетом данных по Крымскому федеральному округу, начиная с итогов за апрель 2014 г.) за период с 2010 по 2014 г. (табл. 2). Точкой отсчета для сравнения взят 2010 г. как начало выхода российской экономики из глобального кризиса 2007–2009 гг. (в 2009 г. внешнеторговый оборот России снизился на 35%).

Для более наглядного отражения динамика внешней торговли представлена на рисунке.

Из анализа данных табл. 2 и рисунка следует, что продолжавшийся на протяжении 2010–2013 гг. рост российского экспорта в 2014 г. сменился на спад – налицо сокращение на 5,8% по сравнению с уровнем экспорта в 2013 г. Снижение импорта составило 9,2%, внешнеторгового оборота – 7%. Профицит внешней торговли практически не изменился. Разница между стоимостными объемами экспорта и импорта в 2013 г. составила 212,3 млрд долл., в 2014 г. – 210,9 млрд долл. (падение менее 1%). Отсюда можно сделать вывод, что на девальвацию национальной валюты повлияли не внешне-торговые факторы, а ряд других моментов.

Рассмотрим, как изменилась товарная структура экспортно-импортных операций за период с 2010 по 2014 г. (табл. 3).

Товарная структура экспорта в 2014 г. не претерпела радикальных изменений. Как и в предыдущие годы, около 70% составляют топливно-энергетические товары с низкой добавленной стоимостью, причем их было вывезено на сумму 350,1 млрд долл. Доля экспорта машин и оборудования как важной группы товаров с высокой добавленной стоимостью несколько снизилась по сравнению с 2013 г. и составила 5,3%. Товаров этой группы было экспортировано на сумму 26,3 млрд долл.

В качестве положительного факта можно отметить рост доли экспорта продовольственных това-

Таблица 1

Статистика внешней торговли России согласно методологии платежного баланса Банка России и методологии ФТС России за 2014 г.

Показатель	По методологии платежного баланса Банка России	По методологии ФТС России	Отклонение
Экспорт	493,6	496,9	3,3
Импорт	308,0	286,0	22,0
Внешнеторговый оборот	801,6	782,9	18,7
Сальдо	185,6	210,9	24,4

Источник: Социально-экономическое положение России. Январь 2015 г. М.: Росстат, 2015.

Таблица 2

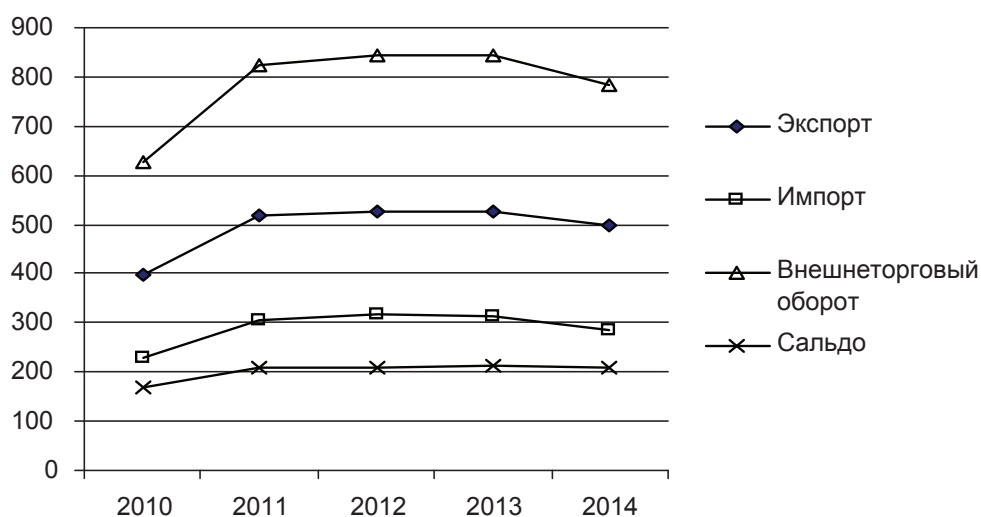
Динамика внешней торговли России* в 2010–2014 гг., млрд долл.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014**	Темп роста 2014 г. к 2013 г., %
Экспорт	397,1	516,7	524,7	527,3	496,9	94,2
Импорт	228,9	305,8	317,3	315,0	286,0	90,8
Внешнеторговый оборот	626,0	822,5	842,0	842,3	782,9	93,0
Сальдо	168,2	210,9	207,4	212,3	210,9	99,3

* По данным таможенной статистики, с учетом взаимной торговли с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан.

** С учетом данных по Крымскому федеральному округу, начиная с итогов за апрель 2014 г.

Источник: Российский статистический ежегодник – 2014 / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://gks.ru>; Социально-экономическое положение России. Январь 2015 г. М.: Росстат, 2015.

Динамика показателей внешней торговли Российской Федерации в 2010–2014 гг., млрд долл.

Таблица 3

Динамика товарной структуры экспорта и импорта России в 2010–2014 гг., %

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Объем экспорта, всего	100	100	100	100	100
В том числе:					
– продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	2,2	2,6	3,2	3,1	5,3
– минеральные продукты	68,5	71,1	71,3	71,5	70,4
– продукция химической промышленности, каучук	6,2	6,3	6,1	5,8	5,8
– кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
– древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,4	2,2	1,9	2,1	2,3
– текстиль, текстильные изделия и обувь	0,2	0,2	0,1	0,2	0,2
– металлы, драгоценные камни и изделия из них	12,7	11,4	11,1	10,4	10,5
– машины, оборудование и транспортные средства	5,4	5,0	5,1	5,5	5,3
– прочие товары	...	1,1	1,1	1,3	1,4
Объем импорта, всего	100	100	100	100	100
В том числе:					
– продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	15,9	13,9	12,8	13,7	13,9
– минеральные продукты	2,3	3,2	2,4	2,2	2,5
– продукция химической промышленности, каучук	16,1	15,1	15,3	15,9	16,2
– кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
– древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,6	2,2	2,0	2,1	2,0
– текстиль, текстильные изделия и обувь	6,2	5,5	5,7	5,7	5,7
– металлы, драгоценные камни и изделия из них	7,3	7,5	7,3	7,2	7,0
– машины, оборудование и транспортные средства	44,4	48,4	49,9	48,5	47,6
– другие товары	...	3,7	4,1	4,3	4,4

Источник: Российский статистический ежегодник – 2014 / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://gks.ru>.
Использованы данные за 2014 г.: Социально-экономическое положение России. Январь 2015 г. М.: Росстат, 2015. С. 104–105.

ров и сельскохозяйственного сырья с 3,1 до 5,3%. Сельхозпродукции было экспортировано на сумму 18,9 млрд долл., из них 5,4 млрд долл. пришлось на пшеницу. Ее было вывезено 22,1 млн т, из которых 21,0 млн т (95%) были экспортированы в страны дальнего зарубежья. Как отмечает профессор О.С. Сухарев, начиная с 2013 г. отечественное производство продукции сельского хозяйства вплотную приблизилось к уровню 1990 г. (97,4%). Зерном и

растительным маслом Россия обеспечивает помимо россиян еще 50 млн чел. в мире [17, с. 46]

В товарной структуре импорта не произошло радикальных изменений. Как и прежде, преобладает товарная группа «машины, оборудование и транспортные средства». Ее доля увеличилась с 44,4% в 2010 г. до 47,6% в 2014 г., что составило 136,2 млрд долл.

Изменения в стоимостных показателях по

товарным группам внешней торговли России в 2013–2014 гг. рассмотрим в табл. 4.

Анализ данных табл. 4 показывает, что в 2014 г. по сравнению с 2013 г. произошло сокращение стоимостных объемов экспорта по статьям «минеральные продукты» (на 7,2%) и «машины, оборудование и транспортные средства» (на 8,9%). В импорте на 10,7% сократился ввоз машин, оборудования и транспортных средств, на 8% – ввоз продовольствия, почти на 10% – ввоз текстиля и обуви.

Запад объявил России санкции в торговле высокотехнологичными товарами. Рассмотрим, как это отразилось на показателях ее экспорта и импорта в 2014 г.

Из анализа данных табл. 5 следует, что стоимостные объемы экспорта и импорта высокотехноло-

гичной продукции в 2014 г. по сравнению с 2013 г. не снизились. Напротив, вопреки ожиданиям произошел рост этих показателей – на 2,2% по экспорту и на 4,1% по импорту. Существенные изменения в экспорте – 5-кратный рост компьютерно-офисной техники и сокращение товаров авиакосмической промышленности на 23%. В импорте высокотехнологичной продукции рост произошел по всем товарным группам, за исключением фармацевтической продукции и приборов для научных исследований (сокращение на 6,2 и 3,6% соответственно).

Проведенное исследование показало, что в 2014 г. радикальных изменений в товарной структуре внешней торговли России в целом и в структуре экспорта и импорта высокотехнологичной продукции не наблюдается. Как и в предыдущие годы, главной

Таблица 4

Товарная структура экспорта и импорта в 2014 г.

Показатель	млн долл.	2014 г. к 2013 г., %
<i>Экспорт</i>		
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	18 906	116,5
Минеральные продукты	350 116	92,8
Продукция химической промышленности, каучук	29 120	94,6
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	414	67,9
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	11 634	106,0
Текстиль, текстильные изделия и обувь	1 069	115,1
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	52 408	95,0
Машины, оборудование и транспортные средства	26 329	91,1
Прочие товары	6 948	105,4
<i>Импорт</i>		
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	39 715	92,0
Минеральные продукты	7 230	104,5
Продукция химической промышленности, каучук	46 415	92,8
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1 280	84,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	5 894	89,2
Текстиль, текстильные изделия и обувь	16 306	90,4
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	20 321	90,1
Машины, оборудование и транспортные средства	136 243	89,3
Другие товары	12 580	93,2

Источник: Социально-экономическое положение России. Январь 2015 г. М.: Росстат, 2015. С. 104–105.

Таблица 5

Экспорт и импорт высокотехнологичной продукции в 2014 г.

Показатель	Экспорт		Импорт	
	млн долл.	в % к 2013 г.	млн долл.	в % к 2013 г.
Высокотехнологичная продукция	19 037	102,2	40 711	104,1
В том числе:				
– товары авиакосмической промышленности	5 936	77,7	8 468	127,8
– компьютерно-офисная техника	1 771	500	6 524	107,5
– электроника и телекоммуникационное оборудование	1 592	131,8	13 106	106,3
– фармацевтическая продукция	253	109,7	3 732	83,8
– научные приборы	962	92,5	4 286	86,4

Источник: Социально-экономическое положение России. Январь 2015 г. М.: Росстат, 2015. С. 111.

проблемой России остается сырьевая направленность экспорта и зависимость от импорта готовой продукции.

В 2014 г. в структуре топливно-энергетических товаров на сырую нефть пришлось 153,8 млрд долл., или 42,6% от всего стоимостного объема экспорта. Сырой нефти из России в 2014 г. было вывезено 223,4 млн т, из которых 199,3 млн т (89,2%) экспортировано в страны дальнего зарубежья. При этом в Россию машин и оборудования и транспортных средств было ввезено на сумму 136 млрд долл., что составило 47,6% от всего общероссийского импорта, из них 128,3 млрд долл. (94,3%) пришлось на страны дальнего зарубежья. Складывается парадоксальная ситуация: мы вывозим сырой нефти чуть больше, чем платим за ввоз машин и оборудования, тем самым полностью растрчиваем природный потенциал России, не оставляя ничего для будущих поколений.

Колониальный характер внешней торговли России требует разработки собственной программы модернизации экономики, отличной от навязанного международными институтами Вашингтонского консенсуса. Вполне уместно на волне роста патриотических настроений назвать подобную программу, например, «Московский консенсус». Приоритетной целью Московского консенсуса должна стать интеграция России в глобальную экономическую систему в качестве сильного государства, как это произошло с Китаем. Интеграция России в глобальную экономику в настоящее время носит регрессивный характер. Термин «регрессивная интеграция», получивший распространение в теории маркетинга, означает переход одного предприятия в подчинение или во владение другого, поставившего под жесткий контроль систему сбыта его продукции. В контексте мировой экономики понятие «регрессивная интеграция» отражает положение России в роли поставщика сырьевых ресурсов, ее зависимость от цен на них, подчинение жесткому контролю глобальных ТНК, проявление признаков деградации научно-технического и социально-экономического развития страны [8].

Если сравнивать современную товарную структуру внешней торговли России и структуру внешней торговли СССР, то наблюдается удручающая картина. Приоритетной целью многоэтапных реформ внешнеэкономической деятельности СССР являлась оптимизация структуры внешнеторговых сделок в целях роста экспорта готовой продукции и сокращения сырьевых товаров. В 1989 г. в товарной структуре экспорта СССР на долю машин и оборудования и транспортных средств приходилось

16,0% (из них 20,7% – в социалистические страны, 3,2% – в развитые капиталистические), на долю топливно-энергетических ресурсов приходилось 40,2%. В 2014 г. доля этих групп в российском экспорте составила 5,3 и 70,4% соответственно, т.е. по сравнению с 1989 г. снижение в 3 и 1,75 раза. В 1989 г. в структуре импорта доля продукции товарной группы «машины, оборудование и транспортные средства» составляла 38,5% (45,4% поступало из социалистических стран, 34,3% – из развитых капиталистических)³. В настоящее время указанная доля еще выше – 47,6%. В результате двадцатипятилетних реформ сложилась ситуация, которую можно обозначить знаменитой фразой: «хотели как лучше, получилось... как всегда».

Однако, справедливости ради, следует отметить, что определенные положительные сдвиги все же наметились. Доля продовольственной продукции и сельхозсырья в российском импорте имеет устойчивую тенденцию к снижению – с 20,8% в 1990 г. до 13,9% в 2014 г. В 2014 г. из России экспортировано 22 млн т зерна на сумму 5,4 млрд долл., что лишь в 10 раз уступает доходам, полученным от экспорта газа (54,7 млрд долл.)⁴. Принципиальное отличие этих двух источников экспортных доходов заключается в том, что сельскохозяйственная продукция является возобновляемым ресурсом, а нефть и газ – невозобновляемые. Уже много десятилетий стратегия России опирается на использование ее абсолютных преимуществ – наличие и добычу нефти и газа. Это тот товар, который требуется индустриально развитым странам для создания ими новых или укрепления старых конкурентных преимуществ. Бюджет России зависит от цены за баррель нефти. Использование других абсолютных преимуществ национальной экономики (например обеспеченность землей и водой) не находит реального подкрепления. В 2015 г. на поддержку сельского хозяйства и рыболовства из федерального бюджета планируется выделить около 1,6 млрд руб. (всего лишь 0,01% от доходов бюджета)⁵.

³ СССР в цифрах в 1989 г.: крат. стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 28–31.

⁴ Социально-экономическое положение России. Январь 2015 г. М.: Росстат, 2015.

⁵ Об утверждении распределения субсидий, предоставляемых в 2015 году из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование расходных обязательств субъектов Российской Федерации, связанных с возмещением части процентной ставки по долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным кредитам, взятым малыми формами хозяйствования: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2015 № 223-р.

Характер внешней торговли отвечает интересам индустриально развитых стран, инвестициями в сырьевой сектор они «консервируют» технологическую отсталость России. Результаты имплицитной политики Вашингтонского консенсуса находят эксплицитное воплощение в регрессивной интеграции России в глобальную экономическую систему, что требует разработки принципиально нового вектора развития.

«Московский консенсус» – это возможный отказ от политики Вашингтона и провозглашение Россией курса на становление экономически сильного и независимого государства. Острой проблемой национальной безопасности России являются вопросы денежно-кредитной политики [6]. Требуются срочные меры по переходу от внешних к внутренним источникам долгосрочного финансирования и ограничению вывоза капитала из России.

Двадцатипятилетние реформы, проведенные под лозунгом Вашингтонского консенсуса, не только не способствовали превращению России в высоко-развитое индустриальное государство, а напротив, отбросили далеко назад, в разряд слаборазвитых стран. У России при принятии самостоятельной модели развития – Московского консенсуса – шансов на успех не меньше, чем было в свое время у Китая. По запасам природных богатств и территории Россия – первая держава мира. Необходимо учесть опыт Китая в отношении преодоления международных санкций. Именно в тот период КНР диверсифицировала географическую структуру внешней торговли за счет соседних государств, не поддержавших политику развитых стран (это, прежде всего, Россия, Сингапур, Южная Корея и другие страны-члены АСЕАН). Санкции заложили контур нового мироустройства, в котором Китай просматривается как новый центр силы, как государство с принципиально новой идеологией развития.

В настоящее время половина внешнеторгового оборота России приходится на европейские страны. Антироссийские санкции открывают для РФ дополнительные возможности переориентации внешней торговли от традиционно развитых стран к странам – членам БРИКС и государствам СНГ. Достигнуты определенные результаты в этом направлении: «В тот момент, когда США и Европейский союз накладывают на Россию все новые и новые санкции, а в Украине никак не утихает гражданская война, Россия добилась определенного успеха в сплочении своих ближайших соседей» [10, с. 15]. Речь идет о поступательном развитии Евразийского эконо-

мического союза (ЕАЭС), государствами-членами которого в настоящее время являются Армения, Беларусь, Казахстан и Россия. В мае 2015 г. официальным членом ЕАЭС становится Киргизия.

В условиях санкций российские внешне-экономические и дипломатические структуры должны использовать как проверенные опытом, так и разрабатывать новые приемы и методы отстаивания национальных интересов в глобальной экономике. Для создания системы стратегического управления российской экономикой, отвечающей национальным интересам, требуется изучение и использование элементов стратегий стран, успешно преодолевших санкции. Достойным примером тому является Пекинский консенсус.

Список литературы

1. Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 12. С. 15–27.
2. Бабурина О.Н. Россия в глобальной экономике, или возможность реализации новой инвестиционной стратегии // *Финансы и кредит*. 2008. № 31. С. 23–29.
3. Бергер Я. Китайская модель социализма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 9. С. 73–81.
4. Букатина Е.Г. Продовольственная безопасность России в условиях санкций // *Инновационные технологии управления и права*. 2014. № 3. С. 118–121.
5. Винокуров М.А. Экономические санкции Запада против России и пути ликвидации их последствий // *Экономика и управление*. 2014. № 11. С. 35–37.
6. Глазьев С.Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // *Финансовый бизнес*. 2014. № 5. С. 3–12.
7. Горидько Н.М., Нижегородцев Р.М. Имитационное моделирование сценариев управления экономической динамикой в условиях нарастания внешних рисков // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. № 46. С. 48–59.
8. Гурьева Л.К., Бабурина О.Н. Регрессивная интеграция России в глобальную экономическую систему как угроза ее национальной безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012. № 18. С. 19–29.
9. Дудин М., Лясников Н. Мировые санкции и Россия: приоритеты и экономическая безопас-

ность // Экономическая политика. 2014. № 6. С. 114–125.

10. Зиядуллаев Н.С. Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 15. С. 2–19.

11. Кадочников П., Пташкина М. Либерализация внешней торговли в Китае: ответ на вызовы начала 1990-х годов // Экономическая политика. 2014. № 6. С. 103–113.

12. Казанцев С.В. Антироссийские санкции – вчера и сегодня // ЭКО. 2015. № 3. С. 63–78.

13. Кондрашова Л.И. Китайская мечта о национальном возрождении. М.: Институт экономики РАН, 2014. 36 с.

14. Новоселова Л.В. Китай: есть ли жизнь после санкций (актуальный ретровзгляд) // Российский экономический журнал. 2014. № 5. С. 59–71.

15. Портанский А.П. Антироссийские санкции – меры деструктивные и контрпродуктивные // Деньги и кредит. 2014. № 10. С. 8–10.

16. Симонов В.В. Антироссийские санкции и системный кризис мировой экономики // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 49–68.

17. Сухарев О.С. Институциональные проблемы обеспечения продовольственной безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 6. С. 44–53.

18. Хасбулатов Р.И. Идолы и идолопоклонники: крах либертаризма // Век глобализации. 2011. № 1. С. 3–14.

19. Хромов М. На игле госфинансирования: проблемы и риски банковского сектора // Экономическое развитие России. 2015. Т. 22. № 2. С. 69–73.

20. Williamson John. What Should the World Bank Think about the Washington Consensus The World Bank Research Observer. Vol. 15. № 2. August 2000. P. 251–264.

National Interests: Priorities and Security

ISSN 2311-875X (Online)

ISSN 2073-2872 (Print)

Threats and Security

SANCTIONS AND RUSSIA'S FOREIGN ECONOMIC STRATEGY THROUGH THE PRISM OF THE WASHINGTON AND BEIJING CONSENSUS

Ol'ga N. BABURINA

Abstract

Importance The ways and methods Russia will choose to enter the global economic system are still an interesting and relevant matter for researchers. In the 1990s, international institutions imposed their policy for rapid opening the national market and liberalizing foreign trade. The policy was called *the Washington Consensus*. It caused irreparable damage to the Russian economy. New global challenges require analyzing and adjusting Russia's foreign trade strategy on an ongoing basis.

Objectives The research pursues adding new priorities to the Russian development strategy, drawing upon the experience of the China People's Republic under the 1989–1993 international sanctions. The research also analyzes the dynamics and structure of Russia's foreign trade before and after the sanctions imposition.

Methods The research is based on the dialectical, historical and systems approaches, statistical analysis, synthesis and comparison, induction and deduction.

Results As the study of the China's crisis management measures under the 1989–1993 sanctions shows, the

Chinese policy called *the Beijing Consensus* contributed to successful development of the economy due to reasonable and sound domestic reforms and diversification of foreign relations and ties. Analyzing the dynamics and structure of the foreign trade with Russia within 2010–2014, I identify that foreign trade indicators before and after the sanctions slightly vary, but China maintained the former percentage of export of raw materials and import of finished products. The results may be useful for federal agencies involved in updating and effectuating the Russian development strategy.

Conclusions and Relevance To tackle and counter the anti-Russian sanctions, I suggest substituting the borrowed policies of *the Washington Consensus* with the individual development model, namely, *the Moscow Consensus*, so to strengthen the national security and ensure Russia's progressive integration into the global economic system.

Keywords: sanctions, foreign trade, foreign economy strategy, Russia, China, USA

References

1. Anan'in O., Khaikulov R., Shestakov D. Vashingtonskii konsensus: peizazh posle bitv [The Washington Consensus: the landscape after battles]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2010, no. 12, pp. 15–27.
2. Baburina O.N. Rossiya v global'noi ekonomike, ili vozmozhnost' realizatsii novoi investitsionnoi strategii [Russia in the global economy or an opportunity to implement a new investment strategy]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2008, no. 31, pp. 23–29.
3. Berger Ya. Kitaiskaya model' sotsializma [The Chinese model of socialism]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2009, no. 9, pp. 73–81.
4. Bukatina E.G. Prodoval'stvennaya bezopasnost' Rossii v usloviyakh sanktsii [Food security of Russia in the period of sanctions]. *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya i prava = Innovative Technologies of Governance and Law*, 2014, no. 3, pp. 118–121.
5. Vinokurov M.A. Ekonomicheskie sanktsii Zapada protiv Rossii i puti likvidatsii ikh posledstviy [The Western economic sanctions against Russia and ways to eliminate their consequences]. *Ekonomika i Upravlenie*, 2014, no. 11, pp. 35–37.
6. Glaz'ev S.Yu. Sanktsii SShA i politika banka Rossii: dvoinoi udar po natsional'noi ekonomike [The US sanctions and the policy of the Bank of Russia: a double blow to the national economy]. *Finansovyi biznes = Financial Business*, 2014, no. 5, pp. 3–12.
7. Gorid'ko N.M., Nizhegorodtsev R.M. Imitatsionnoe modelirovanie stsenariy upravleniya ekonomicheskoi dinamikoii v usloviyakh narastaniya vneshnikh riskov [Simulation modeling of economic dynamics management scenarios under growing external risks]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2014, no. 46, pp. 48–59.
8. Gurieva L.K., Baburina O.N. Regressivnaya integratsiya Rossii v global'nyu ekonomicheskuyu sistemu kak ugroza ee natsional'noi bezopasnosti [Russia's regressive integration into the global economic system as a threat to its national security]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2012, no. 18, pp. 19–29.
9. Dudin M., Lyasnikov N. Mirovye sanktsii i Rossiya: priority i ekonomicheskaya bezopasnost' [Global sanctions and Russia: priorities and economic security]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2014, no. 6, pp. 114–125.
10. Ziyadullaev N.S. Natsional'nye priority i perspektivy Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza v usloviyakh integratsii i global'noi nestabil'nosti [National priorities and prospects for the Eurasian Economic Union under integration and global instability]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2015, no. 15, pp. 2–19.
11. Kadochnikov P., Ptashkina M. Liberalizatsiya vneshnei torgovli v Kitae: otvet na vyzovy nachala 1990-kh godov [Liberalization of foreign trade in China: a response to challenges in the beginning of the 1990s]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2014, no. 6, pp. 103–113.
12. Kazantsev S.V. Antirossiiskie sanktsii – vchera i segodnya [The anti-Russian sanctions. Yesterday and today]. *EKO = ECO*, 2015, no. 3, pp. 63–78.
13. Kondrashova L.I. Kitaiskaya mechta o natsional'nom vrozozhdenii [The Chinese dream of the national revival]. Moscow, Institute of Economics of RAS Publ., 2014, 36 p.
14. Novoselova L.V. Kitai: est' li zhizn' posle sanktsii (aktual'nyi retrovzglyad) [China: is there life after sanctions (relevant retrospective outlook)?]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2014, no. 5, pp. 59–71.
15. Portanskii A.P. Antirossiiskie sanktsii – mery destruktivnye i kontrproduktivnye [The anti-Russian sanctions are destructive and unproductive measures]. *Den'gi i kredit = Money and Credit*, 2014, no. 10, pp. 8–10.
16. Simonov V.V. Antirossiiskie sanktsii i sistemnyi krizis mirovoi [Anti-Russian sanctions and the Systemic Crisis of the World Economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 2, pp. 49–68.
17. Sukharev O.S. Institutsional'nye problemy obespecheniya prodoval'stvennoi bezopasnosti Rossii [Institutional challenges to Russia's food security]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2015, no. 6, pp. 44–53.
18. Khasbulatov R.I. Idoly i idolopoklonniki: krakh libertarizma [Idols and worshipers: the collapse of libertarianism]. *Vek globalizatsii = The Century of Globalization*, 2011, no. 1, pp. 3–14.
19. Khromov M. Na igle gosfinansirovaniya: problemy i riski bankovskogo sektora [Vicious dependence on State financing: problems and risks of the banking sector]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Developments*, 2015, vol. 22, no. 2, pp. 69–73.
20. Williamson J. What Should the World Bank Think about the Washington Consensus. *The World Bank Research Observer*, 2000, vol. 15, no. 2, pp. 251–264.

Ol'ga N. BABURINA

Financial University under Government of Russian Federation, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russian Federation
olgababurina@mail.ru